

“Возвращение” археологической коллекции Мессершмидта

Н. П. КОПАНЕВА

По указу Петра I от 15 ноября 1718 г. доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт был послан в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы». Имя Мессершмидта упоминают все исследователи, пишущие о начале российской археологической

науки, поскольку именно этот человек первым занялся археологическими раскопками в Сибири, и не из корысти, не из любопытства, а с сугубо научными целями. Собрание сибирских древностей, привезенное им в Петербург, стало настоящим украшением Кунсткамеры и положило начало академическим археологическим исследованиям

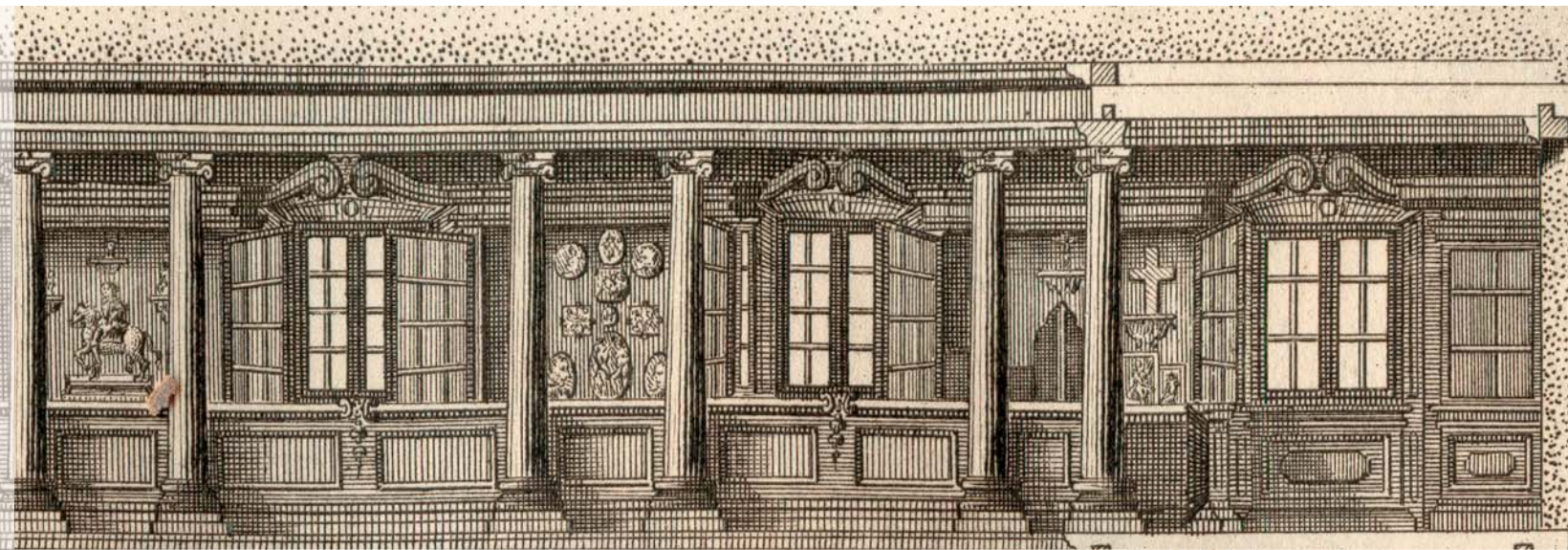

КОПАНЕВА Наталья Павловна — кандидат филологических наук, заведует отделом публикаций и выставок Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Научный руководитель и сокоординатор международных программ «Петр Великий и Голландия», «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук», «Николаас Витсен. «Северная и Восточная Тартария»»

После окончания обучения в университетах Иены и Галле доктор медицины Д. Г. Мессершмидт (он защитил диссертацию на тему «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки») вернулся в родной Данциг, где занялся врачебной практикой. Одновременно он начал помогать Иоганну Филиппу Брейну в его исследованиях и сборе коллекций для Музея естественноисторических коллекций, основанного последним. В этом статусе — собирателя и исследователя — Мессершмидт и был рекомендован Брейном Петру I. Лейб-медик русского царя Р. Арескин, который был также куратором петровской Кунсткамеры, в частной беседе пообещал Мессершмидту, что в перспективе тот сможет возглавить Императорский музей — весьма заманчивое обещание!

В 1718 г. Мессершмидт прибывает в Петербург, а уже в следующем году едет по заданию Петра в Сибирь. Напомним, что в 1719 г. Академии наук в России еще не существовало, и Мессершмидт был приписан к Медицинской канцелярии. Поэтому и задание его было сформулировано в соответствии с задачами этого учреждения: собирать все, что имело отношение к медицине. Уже в Сибири ученый расширил рамки своих изысканий: он стал собирать материалы, которые могли «послужить к пополнению и украшению царской библиотеки и музея».

С последним заданием Мессершмидт справился блестяще. По крайней мере, собрание сибирских древностей, привезенное им в Петербург, стало настоящим украшением Кунсткамеры и положило начало академическим исследованиям по археологии.

Галерея Кунсткамеры, куда были помещены коллекции Д. Г. Мессершмидта. Деталь гравюры И. Соколова (из кн. «Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, библиотеки и Кунсткамеры». СПб., 1741)

Путешествие в Сибирь

За время своей сибирской экспедиции Мессершмидт объехал обширные территории. 5 сентября 1719 г. он выехал из Москвы в Коломну, затем по Оке и Волге добрался до Казани, а оттуда на санях — в Тобольск, где пробыл до марта 1721 г. Далее на его маршруте — Томск, Красноярск, Саянские горы, Мангазея, Иркутск, Нерчинский завод, Енисейск... В Москву Мессершмидт вернулся 31 января 1727 г. Его экспедиция длилась долгих тяжелых 7 лет и заслуживает особого разговора, так же, как и сама личность этого незаурядного ученого-универсала. Тем не менее трудно удержаться от того, чтобы не упомянуть о неприятной истории, в которую попал ученый.

После окончания экспедиции Мессершмидт вернулся в Петербург. В городе уже начал действовать новый научный центр — Академия наук и художеств. Поэтому коллекции, привезенные Мессершмидтом, должны были поступить в Академию наук, точнее — в Кунсткамеру, в то время уже приписанную к Академии.

Но по приезде Мессершмидта его коллекции по приказу президента Медицинской канцелярии И. Д. Блюментроста были опечатаны. Поводом послужил тот факт, что привезенные вещи Мессершмидт сложил у себя дома, а не сдал в Медицинскую канцелярию. Все коллекции ученого, среди которых находились и его собственные, было предписано отправить для обследования в Академию наук, где для этого была создана специальная комиссия, в которую вошел и сам Мессершмидт, а секретарем был назначен молодой Г. Ф. Миллер.

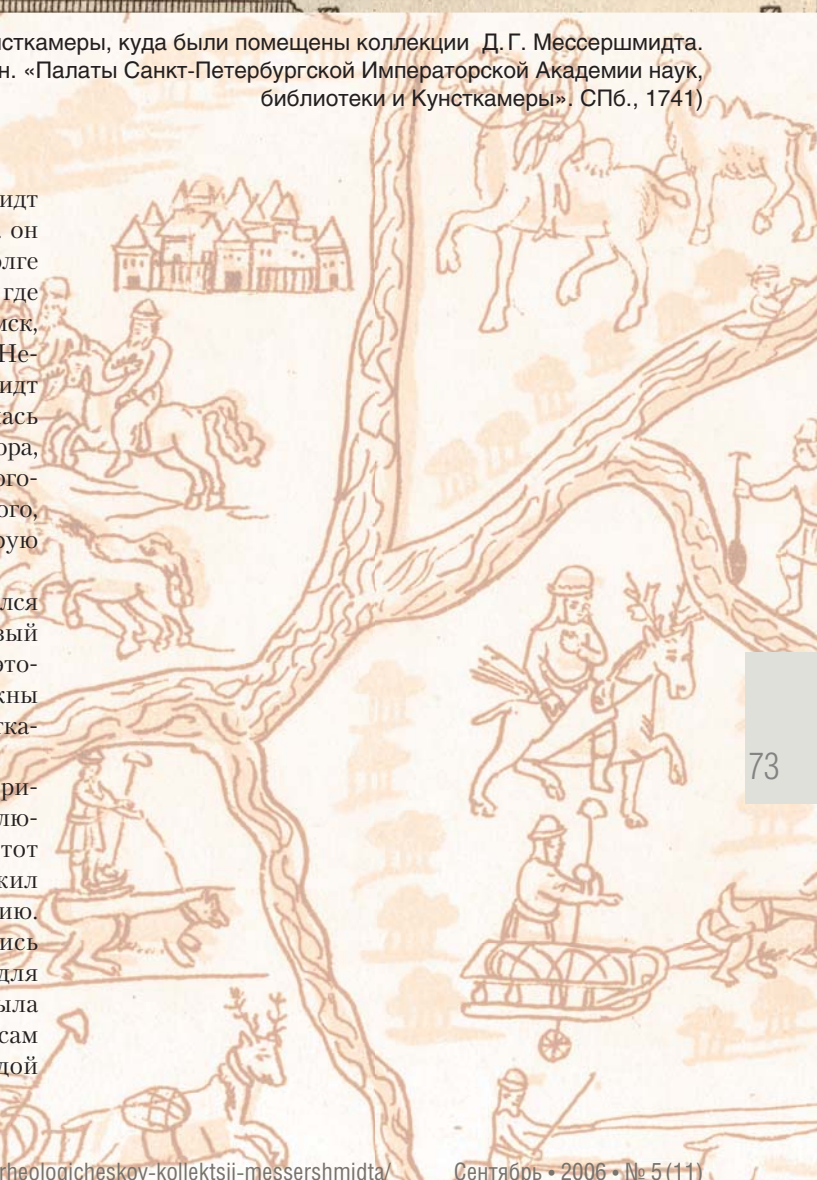
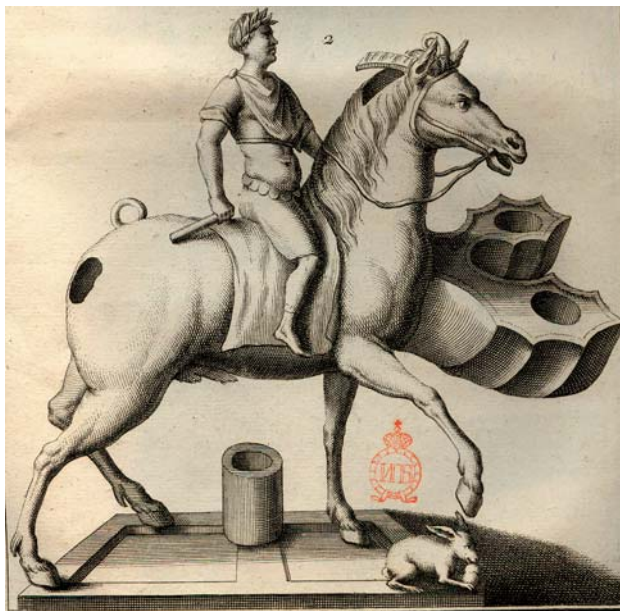

Рисунок из посылки с древностями, отправленной Мессершмидтом в Петербург из Тобольска. Акварель, карандаш

Бронзовый светильник в виде всадника, найденный в Сибири. IV в. Гравюра из книги Б. Монфокона (Supplement au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures...Paris, 1724)

Комиссия, высоко оценив собранные коллекции, постановила передать их в Академию наук. Что же касается вещей, приобретенных Мессершмидтом лично для себя, то из них ученому были возвращены только те, которые, по мнению комиссии, оказались «лишними» для академических собраний.

Судьба ученого и его коллекций

В 1728 г. Мессершмидт покинул Россию. Те коллекции, которые он увез с собой, затонули при кораблекрушении. Прожив в Данциге 2 года, ученый вернулся в Петербург, где проживал в бедности, поддерживаемый лишь милостью доброжелательно настроенных к нему людей, среди которых был знаменитый Феофан Прокопович.

Почему в то время, когда руководство Академии наук в лице Л. Л. Блюментроста и И. Д. Шумахера рассыладо по всей Европе приглашения ученым приехать для работы в Петербург, знания и опыт Д. Г. Мессершмидта не были востребованы? Были ли это козни братьев Блюментростов, один из которых стоял во главе Медицинской канцелярии, а другой — Академии наук? Или только начинавшее складываться петербургское научное сообщество сочло, что Мессершмидт станет для них слишком сильным конкурентом при изучении собранных им уникальных сибирских коллекций?

Документально подтвержденных ответов на эти вопросы нет. Поэтому, чтобы восстановить историческую справедливость и воздать должное великому труженику и подвижнику Даниилу Готлибу Мессершмидту, попытаемся документально «реконструировать» привезенные им собрания древностей.

О размере и ценности всех коллекций, привезенных Мессершмидтом, позднее писал Г. Ф. Миллер: Кунсткамера благодаря усилиям Мессершмидта так обогатилась, что это превзошло все ожидания. По каким же источникам мы можем сегодня восстановить археологическую часть собраний Мессершмидта, насколько они надежны?

Сразу оговоримся, что в целом всем так называемым артефакциям, то есть предметам, созданным человеком, меньше «повезло» в смысле полноты их изучения, чем естественнонаучным коллекциям. Это прежде всего связано с особенностью развития науки в XVIII в.: в это время было достаточно хорошо развито естествознание, гуманитарные же науки находились на стадии формирования.

К тому же начиная с начала XIX в. здание Кунсткамеры не могло уже вмещать постоянно увеличивающиеся музейные фонды, поэтому вещи стали путешествовать из музея в музей. Часть вещей перешла в фонды вновь созданного Азиатского музея. Часть коллекций то

перемещалась в Эрмитаж, то возвращалась обратно в Кунсткамеру. И в ходе этих путешествий информация об источнике поступления отдельных предметов утрачивалась.

Все эти общие рассуждения в полной мере можно отнести и к ранним археологическим коллекциям, в том числе и к коллекциям Мессершмидта. Для того, чтобы выяснить происхождение конкретных предметов из его собрания, провести их атрибуцию, необходимо решить, по крайней мере, три задачи.

Первое — провести попредметную документальную реконструкцию собрания древностей, поступившего в Кунсткамеру, второе — провести атрибуцию и дать современное научное описание каждого предмета. И, наконец, провести поиск предметов в российских музеях.

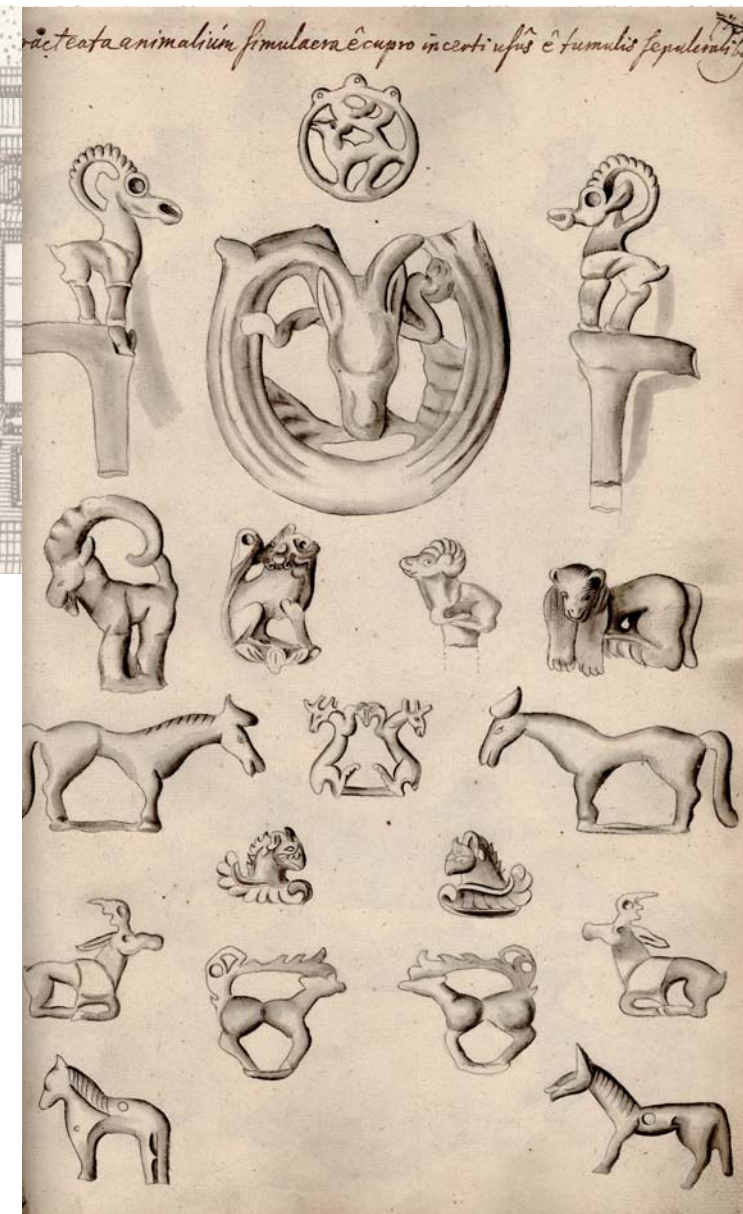
Ищем в архивах

Для начала обратимся к архивным документам. Благодаря тому, что Мессершмидт скрупулезно составлял каталоги собираемых им коллекций, они являются одним из важнейших источников реконструкции. Необходимо учесть также и каталоги как к отдельным посылкам, так и итоговый.

Уже в 1720 г. Мессершмидт отправил в Петербург из Тобольска несколько посылок, сопровождавшихся списками, согласно которым в числе прочего там находились рисунки различных древностей: монет, украшений, статуй, предметов языческого культа. Именно об этих первых находках Мессершмидта и сообщал советник петербургской академической канцелярии И. Д. Шумахер Парижской Академии наук в 1721 г. Французская газета «Gazette de France» писала о «многих бронзовых статуях, найденных среди лесов в калмыцких погребениях. Среди тех, которые царь приказал поместить в свой кабинет, можно видеть римскую лампу в виде конной статуи римского генерала, на голове — лавровый венец; две другие фигуры людей на лошадях в доспехах, которые носили на Западе в XII—XIII вв., и многие индийские идолы, среди которых богиня, почитавшаяся в Китае и в Тибете».

Итоговый реестр, составленный самим Мессершмидтом и включающий только сугубо археологических находок 36 единиц, входит в состав третьего тома его рукописи «Sibiria perlustrata...» («Описание Сибири, или картина трех основных царств природы»). Но описания эти неоднородны, большинство из них — суммарные. Например, под № 94 значатся «изображения животных из меди частично магического характера, частично неизвестного назначения». И сколько их, этих вещей, тоже неизвестно.

Поэтому другим важнейшим источником восстановления собрания являются рисунки, приложенные как к отдельным, так и к

К своим описаниям древних предметов Мессершмидт прилагал «tabula» — рисунок с изображением того, о чем писал ученый. Акварель, карандаш

На акварели из «Нарисованного музея» изображена бронзовая курительница из собрания древностей Мессершмидта. И. Соколов. 1730-е гг. Акварель, кисть, перо

Деталь рисунка литого верблюда — из итогового отчета (описание находки есть в полевых дневниках Мессершмидта)

итоговому отчетам. В поездках по Сибири Мессершмидта сопровождал швед Карл Шультман, зарисовывавший по заданию ученого и наскальные рисунки, и приобретенные «могильные вещи».

Мессершмидт и сам рисовал. К каждому описанию должна была прилагаться «tabula», рисунок с изображением того, о чем писал ученый. Но по неизвестным причинам такие «tabula» сопровождают не все описания. Поэтому неоценимую помощь для реконструкции собрания нам оказывают акварели из так называемого «Нарисованного музея»*.

Напомним, что в 1730–50 гг. музейные коллекции петербургской Кунсткамеры зарисовывались академическими художниками, чаще учениками Рисовальной или Гравировальной палат. Это относится и к собранию древностей, привезенному Мессершмидтом, запечатленному на сохранившихся рисунках. Например, в итоговом отчете Мессершмидт пишет о бронзовой курительнице, представляющей изображение какого-то четвероногого, со всех сторон продырявленного. Рисунка к описанию в рукописи нет. Но в «Нарисованном музее» мы находим эту бронзовую курительницу.

Сопоставляя экспедиционные рисунки из отчетов Мессершмидта с акварелями, выполненными в Петербурге, можно найти изображенные на них одни и те же предметы. Качество рисунка, выполненного в полевых условиях, обычно было невысоким, поэтому «кунсткамерский» акварельный рисунок зачастую позволяет нам увидеть детали предмета, не видные на его «отчетном» изображении.

Из полевых дневников

К сожалению, каталог коллекций Кунсткамеры «Musei imperialis Petropolitani vol. 2.», опубликованный в 1741 г., не дает нам никаких «ниточек» к собранию Мессершмидта. Если в первом томе, где описаны «натуралии», ссылки на Мессершмидта встречаются, то происхождению предметов художественной коллекции в описаниях второго тома внимания не уделяется.

К счастью, существует еще один источник для воссоздания собрания древностей Мессершмидта — его путевые дневники. Хотя наш путешественник не все подробно записывал, тем не менее в дневниках встречаются и описания приобретенных предметов, и обстоятельства их покупки или находки при раскопках.

Вот несколько таких записей.

4 апреля 1721 г.: «Г. доктор купил несколько маленьких, литых из желтой и красной меди могильных идолов и дал за это ¼ рубля; в числе их находился литой верблюд и человеческие фигуры...»

На акварелях из «Нарисованного музея», запечатлевших предметы из археологической коллекции Мессершмидта, хорошо видны детали

17 апреля 1721 г.: «Прапорщик Цеймерн сказал нам, что поручик Граб, вернувшийся недавно из города Нарыма, видел в доме тамошнего воеводы красного шайтана из желтой меди в виде полуживера, получеловека величиною в 1/4 локтя. Он сказал мне, что стоит только написать об этом майору Борлюту, который может раздобыть его». Возможно, что именно этот красный шайтан попал в петербургский музей с собранием Мессершмидта и изображен на одном из «кунсткамерских» рисунков.

Известно, что в Тобольске Мессершмидт встретился с шведским пленным, капитаном Таббертом. Подружившись, они часть маршрута Мессершмидта ехали вместе, проводя совместные исследования. Судьба пленного оказалась счастливее судьбы российского служащего: вернувшись из плена на родину, Табберт занялся наукой и получил дворянский титул,

став Страленбергом. В изданной им книге тоже можно обнаружить указания на находки, привезенные Мессершмидтом в Петербург.

Вот, например, металлическая бляха, изображение которой есть и в рукописи Мессершмидта, и в книге Страленберга. Мессершмидт описывает ее как амулет, с одной стороны полированный, с другой красиво вырезанный: в гирлянде зелени по паре охотничьих собак, нападающих на лисицу, льва, оленя, зайца, с письменами по краю.

Вот что писал об амулете Страленберга: «Четыре такие медали татары навешивают на своих начальников, две на плечи, одну на

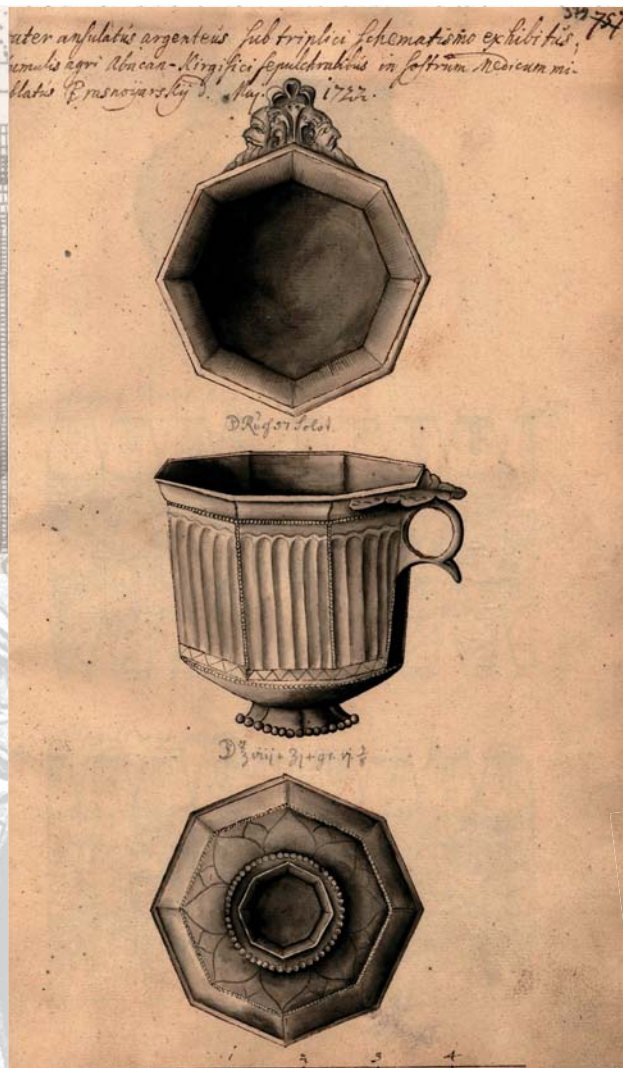

Рисунок кубка из итогового рапорта Мессершмидта. Из полевого дневника: «В Караульном или Верхнем остроге доктор, купив несколько медных могильных вещей, нашел также между ними старинный, серебряный кубок с ручкой, который велел срисовать. Этот кубок доктор охотно купил бы, но владельца его не было налицо, и к тому же сказали, что кубок заложен в церкви; тогда г. доктор поручил пономарю сказать владельцу, чтобы он привез кубок в Красноярск, где доктор заплатит за него, сколько следует» (19 февраля 1722 г.).

Судя по рисунку, Мессершмидт все-таки купил этот кубок

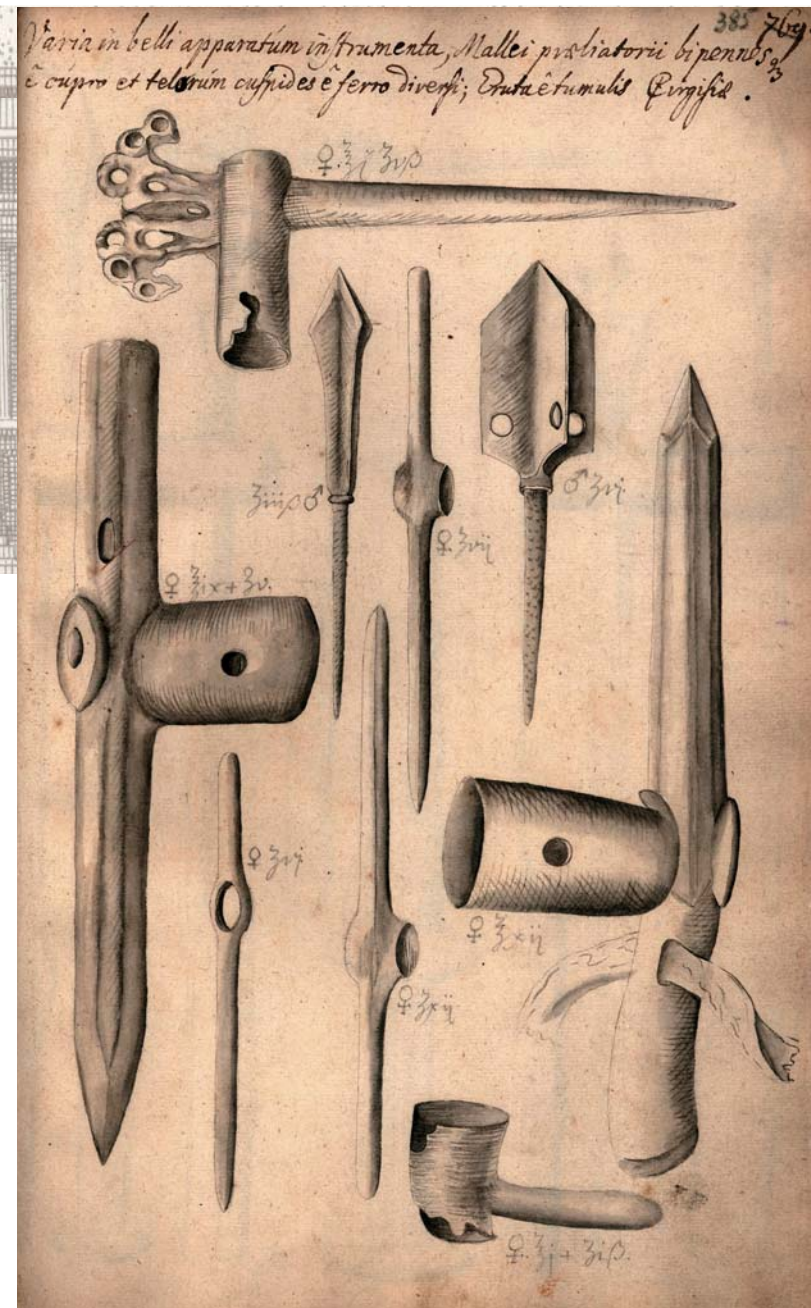

Изображение этого амулета — металлической бляхи с надписью — есть и в рукописи Мессершмидта, и в книге его компаньона по экспедиции, шведского ученого Страленберга

грудь и одну на спину ...Русские отняли эту медную медаль или пластинку у остяков близ Самарова, у которых она считалась большою редкостью и служила предметом поклонения». Таких сопоставлений описаний и рисунков Мессершмидта с описаниями из книги Страленберга можно провести несколько. В последних можно найти указания на материал, из которого изготовлен предмет, а также на его назначение.

Конечно, не все археологические приобретения и находки Д. Г. Мессершмидт описывал подробно. Часто в дневнике можно прочитать лишь, что доктор купил могильные вещи, большей частью из красной и желтой меди; или что Петр, помощник Мессершмидта, привез «несколько безделушек из могил». Но если мы применим принцип сопоставления разных источников и сведем их вместе, то получим интереснейшую картину того, что же привез из Сибири в Петербург Мессершмидт.

Всего в реконструированном собрании археологических древностей, привезенных и присланных ученым, мы можем насчитать около 500 единиц! Даже то, что можно показать в ограниченном пространстве журнальной публикации, поражает воображение и заставляет нас восхищаться не только мастерством создателей тех или иных предметов, но и прозорливостью и чутьем Даниила Готлиба Мессершмидта, одного из пионеров зарождающейся науки — археологии.

В собрании древностей Мессершмидта можно найти образцы всех предметов, представленных ныне в сибирской археологии: ножи, орудия труда, украшения, бляхи, изображения животных, сосуды, металлические зеркала и многое другое

Рукопись дневников Д. Г. Мессершмидта хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Их публикацию см.: Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Bd. 1—4. Berlin, 1962—1968.

Наиболее полная биография Д. Г. Мессершмидта на русском языке — М. Г. Новлянская, «Даниил Готлиб Мессершмидт», Л., 1970. 184 с.

* О «Нарисованном музее» читайте в журнале «НАУКА из первых рук», № 3 (9), 2006.